

Выздоровление господина К.

18+

Март Владислав

Владислав Март

Выздоровление господина К.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69802504

SelfPub; 2023

Аннотация

Фантастический рассказ с подтекстом. Dystopian fiction.
Болезнь и её метаморфоза у обычного чудовища в чудостране.
Современная проза, впитавшая анамнез жанра.

Владислав Март

Выздоровление господина К.

Как прекрасно слыть господином К. Рано узнать о своей тяжёлой болезни. Рано осознать вклад этой болезни во все нюансы будущей жизни. Отныне господин К. не должен доказывать родителям свою амбициозность, друзьям свою многолетнюю преданность, девушкам – заманчивость оказаться их супругом. Господин К. свободен. Горестный недуг, иного от депрессии преждевременно сведущий в почву, его, К., разоковил и вспорхнул. Ведь если вся предстоящая смена дней и ночей является пыткой и не позволит реализоваться как биологическому существу с потомками, как строителю нового общества, как чителю традиции и преумножителю деяний отцов, то вся эта укороченная череда дней предназначена ему для другого. Оставшись ненужным никому, бесперспективным тупиком, напрасной инвестицией, можно наконец-то заняться тем, чем хочешь. Радость на лице господина К. теперь не покинет его. Все окружающие будут считать его свечение симптомом болезни, иррадиацией смерти, а это, это будет искрящаяся внутренняя сила никомуничегонедолжности умноженная на свободутворитьсамому. Господин К. очень быстро понял, как ему повезло. Как пре-

красно быть смертельно больным, притом летальность эта не быстра. Красота жить и делать, что позволяешь себе сам вопреки планам Старших и расписанию обязательных праздников. Господин К. стал человеком, которому удастся прожить как хочет он, игнорируя любые нормы и запреты. Ему всё сойдёт с рук, поскольку он списан со счетов, вычеркнут из записных книжек и тяжёлым вздохом родных заведомо похоронен по минимальному тарифу. Свободный господин К., так отличный от своих здоровых сверстников, выбрал путь творчества, способом жить как ему угодно. Он будет наслаждаться созданием нового. Он оставит после себя белиберду обрезков и шелушек, в которых будет копаться провинившийся аспирант-филолог.

Господин К., вторая его итерация, появился на свет зимой и до её конца станет ваятелем только того, что захочется ему. Он нацарапает всё, что недолжно произноситься вслух, всё чудовищное недосказанное о мире вокруг. А потом, после, будет та самая, врасплох застающая минута о конце которой он никогда не узнает. Появился господин К. на свет не совсем нынешней зимой. Вернее, зимой, конечно, но отнюдь не прошлой. Заболел он несколько месяцев назад будучи взрослой персоной о паспорте и аттестате, с понятиями о правде и вымысле, воспитанный чудовищами и впитавший от них всю чудовищную культуру их прапредков. То есть можно сказать, что господин К. родился дважды. Из чрева матери-чудовища как комок массы в первый раз. И из чу-

довищного диагноза, переведшего его за черту во второй. Оба события пришились на зиму, что не является символом или судьбой. Родиться здоровым зимой и смертельно заболеть позже другой зимой, это так понятно. Не ахти какая потеря. Господин К. по первому рождению звался господин Й. Однако заболев неизлечимой освободимостью, он полагал очевидно разумным сменить имя. Следующей буквой в алфавите чудовищ стояла К. Господин Й. поменял имя на К. указав себе и всем, что это следующий этап жизни, новый уровень. Приятно ему было осознавать также, что будучи господином К. с изморным недугом, он является второй итерацией господина К. Нельзя отрицать, что то было одной из причин перемены имени. Первый уже благополучно пожил, творил и умер. У него получилось. Он смог оставить шелушки-фарлушки, потратив свои лимитированные лета в бездумном творчестве в стороне от мировых событий. Это позволило ему сделать освобождающая от обязанностей жить в обществе болезнь. Значит и у (второго) господина К. всё получится не менее легко. То, что его смогут спутать с первым, не беспокоило персоналию. Господин К. (второй) отделён был от первоисточника временем и расстоянием, а также малограмотностью чудовищ, что, вероятно, даже не знали об этом новом совпадении. В их неглубоко вспаханной бороздами коре, Вена была всего лишь антонимом артерии, а Прага – тортом. Иного чудовища просто не знали, отгороженные зеркалом от мира. Зеркалом, а не стеклом, как

они по правде сказать полагали. Преграда эта не показывала прозрачно, что там за ней хорошего, а отражала дурноту стороны смотрящего. По этой ошибке, неумению распознать стекло и зеркало, чудовища полагали, что жизнь за границей отвратительна и не стремились её изучать. Германский язык (первого) К. также совершенно был им незнаком, поскольку давно уже считался мёртвым в той стороне где получил диагноз герой рассказа. Языком чёрно-белых фильмов о войне и седых металлических руин брошенных автомобилей вдоль окуркованных дорог второстепенного значения был германский. Не более. Прочсть записки первого К. окружающие чудовища не могли из-за невладения языком и отсутствия переводов книг. Достаточно сказать, что и сам К. знал о существовании прототипа случайно, будучи однажды не в своей аудитории и услышав факультативное занятие на ныне закрытой кафедре. Можно было начинать творить на местном языке, претендуя на оригинальность и имени автора, и самой идеи записывать. Так что всё было на стороне господина К. От знания окружающими местного алфавита до их незнания неместной истории.

Перед тем как начать творить К. пришлось посетить доктора ещё раз. Первичный диагноз был не столько уточнён, сколько разложен для господина-пациента на стадии. Ему объяснили, что всего будет их четыре. Словно число стёкол в оправе господина-доктора. В первой фазе влияние патологии скажется более на мобильности К. Он не сможет переме-

щаться ни в какой плоскости без тщательной подготовки, будет уставать, страдать, именно дорога станет приносить наибольшую боль. Вернее, отсутствие возможности дорогу познать, предпринять движение. Во второй фазе заболевание принесёт страдание внутренним органам. Следует ожидать худобы, бледности, износа, общей обвислости и одряхления. Тело потеряет аппетит и многие привычные функции. Третьей фазой придёт потеря или сильное ухудшение зрения и слуха, что изолирует господина К. от окружающих в большой степени. Конечной фазой придёт ограничение рассудка вплоть до полного его паралича, остановки мыслеформирования. Эта стадия обычно кратковременная и пациент её не замечает. В общем, конец можно считать определённым после того как ухудшится зрение и слух. Доктор уточнил какие лекарства будут подключаться на каждой стадии и выписал заранее рецепт на костыли и сидячую каталку, как залог гарантий медицинской помощи в фазе ограничения мобильности. К. сложил рецепт пополам и укрыл его в кожаную обложку паспорта. Выйдя от врача вдохновлённым, заболевание началось, а значит и свобода, и творчество, пациент скорым шагом удалился от выкрашенных оптимистичным серым-2 стен поликлинического вместилища медицины.

С творчеством было определено скоро. Господин К. избрал прозу. Начались его собственные похожие на всех предыдущих авторов и непохожие ни на кого попытки записать важное. Коротко и понятно. С уважением к читате-

лю, избегая словопада и украшения предложений изысканными цитатами давно умерших чудовищ или аналогиями понятными только коллекционеру, выходящему от букиниста с тихо-трепетной улыбкой вора бесценной реликвии. К. начал писать одновременно серию статей о главных проблемах чудовищности, о том, о чём непринято было высказываться в среде по самым разнородным причинам, что теперь ему, смертельно больному господину К. дозволено ввиду краткости отпущенной бременем праздности. Он торопился проснуться и не спешил отходить ко сну, посвящая всё время электричности запискам. Время солнечности зимой кратко и ненадёжно, потому автор записок перестал рассчитывать на помощь внешнего светила, опираясь исключительно на мощь ватт. Ещё в пути от доктора домой, где ждали его расстроенные родители, К. записал на обратной стороне рецепта первые слова: «Нож сломается о буханку хлеба...». И далее, чем скорее были его шаги, тем больше кратких и понятных утверждений записывал новоиспечённый автор.

В уюте стола и стула, в роскоши потолка выше чудовищного роста, с готовой едой, господин К. посвящал свой короткий век созиданию. Для финальных вариантов записей он выбрал толстые чистые тетради, оставшиеся от посещения лекций в университете. Просто тетрадей было так много, что ему не хватило университета исписать их все. Они лежали, ожидая собственных детей господина К., и их университетов, однако, как понятно из заключения врача, тет-

ради теперь следовало употребить по-иному. Страница за страницей покрывались однозначными и важными словами. Без намёков и осуждений, без критики всей предшествовавшей этим записям литературы, К. вёл авторучку слева направо, оставляя колдовство повторяющихся вздрагиваний синей линии. Это было как ЭКГ, что сделал ему врач. Известное врачу-одному значение линии завораживало. Какому малому числу посвящённых была понятна ЭКГ? Она не могла бы сыграть никакой заметной роли, последствия после. В отличие от рукописи, начавшейся незамедлительно по окончании последнего визита к доктору. Синие волны господина К., будут доступны всем, его тетради не для видимости научных процедур. Они лишь первое место, где прочтут эти слова, из многих многих будущих печатных страниц. Разумеется, слава найдёт господина К. после четвёртой фазы болезни, после смерти, после ещё какого-то периода осмысления изложенного потомками чудовищ. Период всё же должен быть короче, чем время разложения бумаги, но после, после того как слова настоятся и придёт читатель. Когда, как записал во второй вечер К.: «Деревья перестанут шататься и утихнет ветер. Спирт отрезвит пьющего. Радуга взойдёт над сугробами. Вращающаяся пластинка заточит иглу...». Заболев и обрета свободу до скорой гибели не быть должным обществу ни труда, ни повинности, господин К. стал отличаться от своей чудовищной сути. Текст ли, диагноз, меняли его руку, образ мысли, позу и распоряжение временем. Ме-

няли так сильно, что ему начало казаться, а через неделю и определённо он стал уверен, что он не чудовище. Это было так мило, что даже смешно. Раскрепощение творчеством достигло высоты, с которой он увидел себя другим существом, только по случаю рождённым среди чудовищ. Слово запустило катушку перемен и всякий день, разный час, минута с авторучкой, выписывала из господина К. по букве новое существо. Это наблюдение вскоре привело к записи в тетради внизу шестнадцатой страницы: «Среди чудовищ родится человек». Только лишь небольшое зеркало да отражение в ночном окне возвращали К. к факту о его бородавности, клыкастости и чешуйчатости, вводили в парадокс несоответствия с внутренним К-ощущением.

Разговоры с близкими и роднёй у К., впрочем, они-то считали себя близкими и роднёй Й., постепенно прекратились. Кто-то получил прекрасный повод, оправдывая болезнью изменение поведения, прервать общение или исчезнуть навсегда. Ох уж эта невзаимовыгодная чудовищная дружба. Другие порезавшись об его хладность и запертость, обиделись и не поинтересовались на что променяли их. Третьи, самые стойкие, прочтя начала записей в тетрадях, выслушав сияющие слова переименовавшего себя друга-брата К., пришли к заключению, что час пробил. Наступила фаза безумия, и чтобы не попасть на сдачу похоронных денег, подобные стойкие тоже спешно ретировались. Родители долго не сдавались, но их усердие съели два обстоятельства. Кто-то из сбе-

жавших приятелей оставил газету с заметкой о заразности недуга очень подобного болезни К. И этого хватило бы чтобы отец и мать стали заходить реже, не чаще положенного чудовищам завтрака, обеда и ужина. Да более того. После оставленной газеты они нашли письмо от кого-то называвшей себя невестой господина К. Сам получатель письмо проигнорировал и мать открыла конверт. Чтение обдало её осознанием ещё большей потери, чем адекватное общение с отпрыском. Она, и отец, наконец-то поняли, что ни сына, ни внуков, ни общественного положения за счёт них, ни старости в окружении бра и стаканов воды не случится. Обида, незаслуженное непризнание, украденное будущее, иначе не могли назвать свои чувства родители. Это в добавок к утраченному имени Й., которое на тетрадах было зачёркнуто. Родители перестали удалять избыток времени сыну. Отношение к нему стало подобно договору с покладистым тихим жильцом, что оплатил вперёд кров и питание, и выполнял круглосуточно непонятную, но нераздражающую деятельность за дверью дальней комнаты.

К. был доволен сложившейся новой реальностью. Вслед за полной свободой не служить государству и не угождать чудовищам по крови, он потерял и всех случайных знакомых по жизни. Тех, кто пошёл дальше, в свою долгую счастливую старость без господина К. Строки множились, тетради ложились пирамидой. Никто не обращал внимания на затворника, хоть был он таковым лишь от того, что много писал

и редко выходил. Болезнь то проявлялась в мелочах, то отступала. Родители прислушивались к кашлю и беспокойному сну жильца за стеной. Был ли этот сон более беспокойным, чем прежде? Кашель громче и чаще, чем, скажем, год назад, они уверенно заключить не могли. Раньше они не обращали внимание на настоящее К., они ждали его будущего. Карьеру, успех и семью. Они не придавали значения ничтожному кашлю или иной пустяковине, поскольку всё было лишь путём. Наверх. Вперёд. Туда, где лучшие из чудовищ, выполнив необходимую торговлю со своей свободой, получали блага следующего уровня. У К. не было настоящего в глазах настоящих окружающих, они его видели только в будущности. Потеряв это видение, разочаровавшись, кашель и в правду стал заметным. Большого, чем больший день ото дня кашель, ждать не приходилось. И хоть прогресс в кашле никого не устраивал и не мог подменить потерянное грядущее, мать стала отмечать зарубками тесака на разделочной доске особенно затянутые приступы. Неполнота правды выше описанного состояла только в том, что был однако субъект, возжелавший продлить отношения с К. Его старый товарищ по чудошколе, редактор досок объявлений на большом портале, Адам, стал навещать пишущего и вести с ним беседы о том, что К. хочет донести, для чего он избрал в последний путь именно записки в тетрадах. Они вели нечастые долгие беседы, которые наводили пациента на новые мысли, а гостю поясняли происходящее. Дошло до того,

что Адам стал брать записки к себе домой и там, разбирался в отдельных страницах, пытаясь то ли помочь другу, то ли найти оправдание своим визитам.

К. не получая писем о необходимости добровольного труда в выходные или приглашений на парады, не обладал никакими внешними директивами покинуть дом. Как негодного к послушанию его отписали от рассылок подобного рода. Всё же выйти ему пришлось, поскольку закончилась чернильная ручка. К тому же не так он был слаб чтобы пропустить прилёт птиц или красивый закат, подышать ароматизированным воздухом магазинных рядов. Собираясь, крутясь с шарфом у зеркала, господин К. отметил, что между ним и выходной дверью стоит отец и незнакомое чудовище, и ещё до последнего оборота шарфа между троими начался разговор. Беседа эта сразила К. своей однозначной грубой определённой не хуже диагноза доктора. Незнакомец был направлен Комиссией чтобы помешать больному выйти из дому. Согласно какой-то инициативе, пациенты с аналогичным диагнозом не могли покидать жилище чтобы нечаянно не начать предпринимать что-либо, вроде участия в общественной жизни, которое было им противопоказано по заключению врача. Отец, ставший полностью на сторону незнакомца, подрядчика Комиссии, уверил К. о запрете выхода. Поражённый недугом субъект, бесполезный для строя общества, своим бездельничающим и бледным видом может подорвать ткань среды, подточить её гвозди. С диагнозом нужно

оставаться дома, эта свобода от пользы чудообществу должна быть под защитой стен. Незнакомец вновь подтвердил, на улице, там, среди порядка и дисциплины не место освобождённым от забот, независимо какая причина к тому привела. Тем более, если господин К. почувствует ухудшение и умрёт на глазах чужаков, неготовых принять конечность жизни в лице такого молодого примера. И никакая попытка просочиться между стеной и отцом, зеркалом и незнакомцем не удалась. Подрядчик имел огромный круп и легко преграждал дорогу по узкому коридору, очевидно по этому параметру он и был отобран на службу. К. снял шарф и сел на табурет в недоумении и суетливом поиске решения. Отец уйдёт на работу, возможностей станет больше. словно читая мысли господина К. незнакомец выдал новую информацию. Он прикомандирован к квартире, сюда ему будут доставлять горячую пищу, напиток и газету, он неотрывно станет следить за невозможностью пациента выйти к неповинным наружу. Напиток по уставу однообразен, компот из сезонных растений, но не возбраняется принимать напитки и от жильцов. Отец подтвердил, что на благое дело вопрос с напитками будет расширен и сегодня же вечером. Обе коридорные преграды замолчали и смотрели на табуреточного сидельца. Возвышаясь над К. они заслоняли не только выход, но и свет однолампочной люстры, и воздух, и календарь на стене.

Тишину нарушил кашель пациента, после чего он встал и вернулся в свою комнату. Облачившись в домашнюю одеж-

ду господин К. медленно и ответственно начал затачивать цветные карандаши, что остались у него от университета для продолжения творчества. Университет был таким коротким, что он не успел исписать большую часть из набора в 24 цвета. Теперь жизнь карандашей продолжится в тетрадах. К. уже через час смог отойти душой от эпизода с подрядчиком Комиссии и продолжить писать, выбирая карандаш по цвету наиболее близкий к закончившейся чернильной авторучке. В дальнейшем он работал в той же манере, выбирая после тёмно-синего фиолетовый, после просто синий, затем голубой и так понемногу отдаляясь по спектру от изначально-го чернильно-синего с минимально возможным перепадом цветов. Господин К. беспокоился, чтобы читатель не имел раздражения и зуда глаз от проблемы с текстом. Представляя себя читателем, К. умышленно писал новым цветом с нового абзаца и даже сделал на полях помету о том почему цвет изменился, оправдывая неудобство. Он так и записал: «Глубокоуважаемый читатель, я не смог прийти к тебе си-не-чёрным коридором простой прогулки, я приду к тебе через голубые и зелёные серпантины строк. Если в момент, когда ты читаешь это в книге, все строки снова чёрные, прости за это чудономику, цвета дороже черноты, представь буквы таким цветом, каким ты захочешь. Цветные и чёрные мысли не должны печататься одинаково чёрным. Неопытному читателю будет сложно разобраться, он всё примет за чёрное. Как курсив, так и цвет – это помощники и я перехожу к цвет-

НЫМ главам».

Дважды, когда К. открывал дверь чтобы поставить на табуретку пустые тарелки после обеда и ужина он обращал внимание на коридор и выходную дверь. Оба раза там находился незнакомец, командированный Комиссией, большой и бодрый. Пациент успевал за этот взгляд ощутить запах свеженапечатанной газеты и каши, вонь растопыренных ног и общую затхлость, поселившуюся в коридоре вместе с незванным чудовесом. Господин К. подходил и к окну, подумывая о побеге. Квартира была типовой сигма-клеточной сделкой, как и тысячи других многоэтажек стояла над серостью асфальта. Тридцатый этаж с неокрывающимся в полной мере окном, не советовал выходить данным способом. И потом, К. не хотел подводить родителей, такой опрометчивый поступок, закончись он разбиванием об улицу, аннулировал бы многолетние платежи по сделке. Родителям бы заново пришлось ежемесячно сдавать сигма-клетки, а они немолоды, в их возрасте на уплату с начала могло уйти значительно больше лет, чем первично. Хотя кому нужны их клетки К. не знал. Вряд столь несвежие элементы могли продлить существование справедливых руководителей или иных Старших чудовищ. Родительские клетки растворились бы в спекулятивных торгах или попали бы в третьесортный госпиталь инвалидов. Но К. твёрдо решил не делать глупостей даже на последней стадии болезни. Он смирился временно со своим заключением. Временность для него была понятна как ни

для кого и в тот день он лёг спать на час позже чтобы написать больше.

Адам оказался у К. через день. Он долго спорил с другом о цветовой палитре текста в будущей книге показывая на конкретных частях тетрадей К., что цвет отвлекает и не даёт никакого нового содержания и смысла. Что читатель раскрасит оттенками мыслей любой серый шрифт, если захочет и, если есть у него талант читателя. К. припирался, вдыхал, не сдавался. Компромиссом, вариантом, собеседники выбрали возможность прикладывать к книге К. специальные очки, которые проявят цвет текста, задуманный автором или читатель может их не использовать и потреблять как ему кажется оригинальный чёрно-белый код. Адам, сведущий в технической части информационный технолог, обещал к следующему приходу уточнить замысел, проверить его исполнимость, а также принести авторучки разных цветов для удобства К. Гость взял новую тетрадь, сдал старую и сообщил К., что тот выглядит ненамного хуже, сносно, держится хорошо и болезнь определённо протекает медленно. Адаму, как приходящему редко, действительно лучше родителей была видна динамика. Последние и вовсе не видели перемен ухудшения и также в коридоре уточнили у друга сына, что он отметил касательно состояния его здоровья. Родителей Адам уверил более конкретно, отметил что убеждён, за прошедший период времени отрицательных перемен нет. Отец и мать молча переглянулись и проводили гостя до самой межквартирной

проходной мимо стража и рядов правых и левых чудопод.

В один из следующих дней, мать, отмечая зарубкой тесака приступ кашля на разделочной доске засомневалась. Был ли то приступ кашля или сын поперхнулся супом. И, что стало редкостью от начала болезни, пришла к нему в комнату с этим вопросом. Господин К. уверил, что поперхнулся, так как в супе попалась похожая на мел твёрдая частица, вызвавшая реакцию беспокойства очень похожую по звуку на кашель. Мама приняла информацию и решила, что зарубку отменять не станет, лишь пропустит следующий кашель как отмеченный заранее. Но тут господин К. спросил закрывающую дверь мать. Не была ли та частичка твёрдости в супе таблеткой? Отчего-то она напонила ему о таблетках, поскольку он имел о них представление. В детстве он принимал витамины в виде конфет и таблетки, которые должны были увеличить его сигма-клеточный потенциал чтобы создав семью он легче мог платить за квартиру и быстрее съехать от родителей. Чего, к их сожалению, теперь никогда не произойдёт. Мать подтвердила, что в супе, как и в каше, как и во всех блюдах от начала болезни были и будут таблетки. Ей пришло письмо от доктора, а затем и курьер приходил, его стук дверью К. принял за доставку горячего стражу. Были доставлены необходимые препараты, растворы и таблетки, и что мама, в полном соответствии с предписанием из клиники добавляет сыну их в пищу. Она принесла К. листок с таблицей, где была подробно описана схема лечения. К изумле-

нию своему, К. прочитал что он употребляет уже неделю восемь препаратов с ничего ему не говорящими названиями. Он дочитал до конца, до подписи врача и бесконечно длинного штрих-кода. Список вернулся на место и беседа завершилась. В его скромной библиотеке в комнате не было книг о медицине или справочников, проливающих свет на такие дела. Господин К. был в растерянности поскольку после беседы с Ададом ему пришла в голову мысль, которой он всё никак не решался делиться, что кашлять он стал больше с момента домашнего заточения. А также, что отметил у себя странные сизые пятна в местах обычно пятен не содержавших, о которых также не сообщил приятелю. При общем благополучии, отдельные вещи беспокоили его. Именно в момент этих размышлений за закрытой дверью у К. вдруг выпал клык. Это произошло так легко и без каких-либо последствий, что он застыл на стуле в оцепенении. Клыки редко менялись у чудовищ, насколько он помнил из программы университета, в его возрасте клыки больше не выпадают. Может быть обучение в университете было столь кратким, что он ещё не достиг последней смены клыков? Он поскрёбся в дверь и спросил мать ждать ли ему ещё смены зубов или клыков. Вопрос не удивил мать, она с кухни громко ответила, что нет, у него последние и постоянные боевые клыки и жевательные зубы. Дождавшись пока К. отойдёт от двери и заходит от стены к стене с некоторым спешным подпрыгиванием выдававшим в нём нервозность, мать открыла кухонный шкаф. Там ле-

жал второй листок от доктора с дополнительным списком лекарств. Ища глазами нужную строку, хозяйка одновременно достала из ящика две новенькие упаковки драже. Она сразу вспомнила, что после выпадения клыков девятый и десятый препараты входят в схему, но вот какой отменяется она позабыла. Не доверяя своей неграмотности в мире медицины, она решила дождаться мужа со службы, а ужин пока приготовить с учётом прежнего листа назначений. Вместе они приведут лечение к предписанию, а в крайнем случае, если и муж запутается в таблице, она сама завтра сходит в консультационную и попросит разъяснений.

Господин К. не без труда вернулся к записям. Для него складывались в тревожную картину всё больше изменений в его теле и всё большее расстояние в контакте с родителями. Оказывается, его лечили и, кто знает, это ли сохраняло его бодрость и желание заниматься творчеством. Без этих ласково приправленных салатом и супом лекарств он бы уже перешёл к следующей фазе болезни? Благодарить ли ему мать или укорять за помощь врачу без малейшего предупреждения сыну? Все эти пятна, истончение кожи, побледнение ногтей, а теперь и клык. К. слышал и о том, что лекарства могут вызвать неблагополучие вместе с позитивным эффектом, как простуда от горы вкуснейшего мороженого. Могут одновременно приносить пользу и вред, перевешивая своё действие пользой. Не будучи дипломированным специалистом и даже не интересуясь никогда вопросами медицины, госпо-

дин К. не знал к чему склониться. Драгоценное время уходило на раздумья о статусе родителей в этой истории вместо того, чтобы записать отложенные важные слова. И когда дверь снова отворилась и на пороге появился ужин, пациент не так охотно прикоснулся к тарелке и черпалу, поскольку куда как лучше понимал состав гарнира. Поужинав, однако полно, но без настроения, он так и не смог больше вернуться к полноценным записям и пол ночи рассматривал свою кожу, волосы и язык в отражении окна, освещенного проникающим светом фонарей, на предмет многочисленных небольших перемен. Он словно растение без солнца становился тоньше, бледнее и сгорбленнее. Ему показалось, что уменьшился и живот. Взяв пояс халата, К. обмотал его вокруг середины себя и отметил зелёным карандашом свою окружность, чтобы через неделю проверить изменения. Зелёным, потому что он дошёл уже до зелёного, все синие оттенки были стёрты о тетрадь в прах. Скорее бы явился Адам, как зеркало, как тот, кто скажет, что происходит с К. Скорее бы вернулись в жизнь К. вдохновение и авторучка.

Уснувший в кресле у окна господин К. очнулся внезапно и всеми своими органами одновременно от необычного шума под своей дверью. Оказалось, что охранник уснул в коридоре и всей тушей шмякнулся под утро на пол, повалив одноногую высокую вешалку и подставку для зонтов. Вышел отец, помог стражу подняться и прикрыл дверь К., который любопытно высунулся в коридор, где он не был уже много

дней. Далее отец, мать и командированный Комиссией вели разговор о том, что в другой день К. может и воспользоваться моментом и ускользнуть на улицу мимо спящего стража. Они долго спорили, создавая монотонную волну звуков повторно усыпившую господина К. Ему даже приснился сон, будто он пишет свои книги пальцем, оставляющим жирный чернильный след и постепенно тает, ввиду потери чернила изнутри, как если бы это была его кровь. Тело К. во сне обмякло, потеряв живительную жидкость и свисало с костей мешками морщин. А он всё писал и писал. Затем он стал писать на своей коже вместо закончившихся тетрадей. Повторно его разбудил шум открывшейся двери. Сразу две косматых башки – отца и охранника – просунувшись в проём наперебой стали рассказывать К. его новые условия. Трудности, что могли возникнуть из-за ненадлежащего исполнения охраны стражем было решено предвосхитить изменениями в устройстве двери в комнату К. Насколько тот смог сообразить из стереоразговора двух голов, ему повесят со стороны коридора замок, закроют, пищу будут передавать через пропилен в двери снизу у пола. Внутрь комнаты рука отца поставила специальный стульчак с ведром внутри для исполнения всякого рода нужды. Для возвращения этого импровизированного туалета в коридор сегодня позже страж пропиленит дверцу, оснастит петлями и также повесит на неё снаружи шпингалет. Господин К. слушал и ощущал какую-то новую слабость, похожую на негу под жарким светом солнца,

разомление членов достигало большой глубины. Он ничего не отвечал, а только радовался тому, что внезапное спокойное томление у него не смогут отобрать ни дверь, ни Комиссия. Вскоре он уже слышал звук пилы и скрип саморезов под отверткой, а встав после к письменному столу, обнаружил замысловатый куб с крышкой и сидением ожидавший нужды господина К. На нём же стоял и остывший завтрак.

Пришедший тем же вечером Адам вынужден был беседовать с К. через дверь, отчего тема их беседы ушла исключительно в творчество. Иные материи, такие как общественное движение, погода или новинки продаж, Адам не решался поднимать, понимая, как ограниченность своего друга в пределах комнаты без впечатлений и новостей, так и вероятное влияние болезни. Впрочем, К. полностью устраивало такое свидание. Они обменялись тетрадями через щель для тарелок, а затем до ночи спорили о сути записей в них. Адам советовал упорядочить части, придать им сюжетность, жаловался на несвязность глав и второстепенность всех персонажей. Он даже позволил себе сказать, что не понимает основной мысли текста последней тетради. Господин К. не особенно защищая свою позицию цитировал отдельные места, голосом давая понять другу, где имеется важная составляющая, ключ к смыслу написанного. «Прощение не отменяет вины. Ничто не списывается и ничто не обнуляется. Поклонение символам, вечному газу, подношение сигма-клеток – ничто не устраняет произошедшее намеренно. Не существу-

ет за-жизни, не существует гордости предков, нет истории. Вся жизнь чудовищ состоит в поиске смысла жизни, которая угаснет и оттого бесценна, в его обретении и сохранении. Никакой символ не выше жизни чудовища. Донирование как жизни, так и клеток на благо целей, не связанных с обретением смысла жизни конкретного чудовища, не должен поддерживаться. Надчудовищные цели, как превентивная защита или перенос гор, на самом деле являются целью одного конкретного чудовища. Отдавать за это свою жизнь другие не должны». Адам упрекал К. и в том, что изначально тонкий художественный слог ушёл и тетради становились более назидательными и направленными на убеждение читателя. Читателю менее оставалось мыслить, а более принимать или не принимать положения автора. На это К. мог только показать собеседнику через щель второй выпавший клык. Времени у К. оставалось мало, он перешёл к более прагматичному изложению своих мыслей.

Передача авторучки не состоялась. Родители и страж обыскали гостя перед тем как предложили ему присесть на стул у закрытой двери. И если к найденной тетради они отнеслись как к бесполезному предмету больного, то ручку посчитали неприемлемо опасной. Ослабевший с их слов К. мог нечаянно сесть на неё или даже упасть, повредив свою тушу избыточно в добавлении к внутреннему заболеванию. Адам хотел было возразить на счёт наличествующих у их сына карандашей, но осёкся, понимая, что эта оговорка может при-

вести к тому, что заберут и карандаши. В заключении встречи Адам пообещал самостоятельно отредактировать тексты К., создав более краткую форму, которую можно показать издателю или для начала хоть кому-то, кто имеет меньше времени на чтение и анализ, чем друг пациента. Гостя сильно смущало, что страж не только сидит вплотную к нему, слушая разговор, но также иногда записывает что-то в блокнот. Уходя Адам дотронулся через щель до руки К. и после не мог отделаться от ощущения, что кожа друга слишком гладкая и влажная.

Вдохновение вернулось на жёлтом карандаше. Плохо различаемый на атласных полосках тетради, тем не менее, он дал К. радость творить почти два дня. Одна из новых таблеток совершенно не растворялась в пище и торчала в каше лиловой пирамидкой. Господин К. вынимал её и бросал под кровать, где та, как игральная кость ударялась о плинтус и оставалась лежать в неизвестности, надеясь, что новая пирамидка заденет её завтра во время броска. Замер поясом показал, что К. похудел на длину одного карандаша. Постоянно слущивающиеся щетинки и роговой слой головы покрыли весь пол, исключая дорожку от двери до окна. Её господин К. очищал своими шаркающими перемещениями во время поиска подходящего слова и иного мышления на ходу. Изменилась даже нужда К. Теперь ведро наполнялось только по утрам, установился некий ритм, новый и удобный, однако запах стал хуже, чему ни К., ни родители не были ра-

ды. Финалом изменений стал шок, который больной испытал, сняв на ночь халат. Вместе с халатом снялась значительная часть шерстяного покрывала став как бы тёплой подкладкой. Больше К. его не надевал, брезгливо закинув на книжный шкаф. Кашель сохранялся без динамики, хотя мать однажды в коридоре громко попросила отца купить новую разделочную доску, поскольку старая, как она сообщила – «закончилась». Столько изменений, физических утрат и новых выростов получил господин К. за последние недели, столько странных отражений он видел в ночном окне, что он перестал удивляться и полагать это болезнью. Он размышлял, что подобное наверняка происходило и с безвестным здесь первым К. Закончилось же в итоге тем, чем и у всех остальных. Полностью разгруженная общественным смыслом голова заточённого в комнате продолжала работать весь день. Тетради множились. Адам рассказал, что подготовил некий «проект» и скоро даст его посмотреть господину К. При этом друг передал К. среди возвращённой тетради стержень авторучки. Незамеченный при обыске он стал таким приятным подарком, что К. расплакался. Слезы, неожиданно прозрачные, полились у него из углов глаз, а не из лобного хода и принесли облегчение и гамму эмоций. Совсем не ожидая такого, К. не мог уснуть всё вспоминая ощущения и не зная, как назвать это и с чем сравнить. Лишь только он успокаивался, его взгляд находил в комнате подарок-стержень и отголоски безумного счастья снова подкидывали уголь в зарабо-

тавшую новую внутреннюю печь К. И ещё один день. Потом ещё один, уходили не простившись, не обещали вернуться, не оставляли ничего о себе на память. Только свобода выражать себя закорючками слов и только осыпающиеся кожные дериваты были часами для господина К. Всё же часы эти претерпели изменение в одно утро, в один обычный завтрак оставленный под дверью.

Господин К. смотрел в тарелку и видел там кожу и мышцы какой-то птицы, её голову с цветным глазом, внутренности другого животного рядом. Всё казалось было живым совсем недавно, да только что. Глаз птицы с длинными ресницами казалось вот-вот моргнёт. Паника охватила К., он вскочил и захотел немедленно рассказать обо всём тем, кто за дверью. Ужасная весть, у него в тарелке существо, почти живое, убитое, вероятно, специально ему на съедение. К. удержался от крика и от того чтобы начать колотить в дверь, сел на кровать зажимая себе рот рукой, а после схватился обеими за голову. Он сжимал себя сильнее и сильнее, как только мог, потому что он вспомнил кое-что. Вчера на завтрак или обед была такая же плоть существа с ногами и руками. Позавчера, он отчётливо вспомнил, он ел длинный кишечник, наполненный измельчёнными мышцами и печенью некоего животного. К. зажмурился, ещё раз сжал голову ладонями и ему стало казаться, что он ел живое всю свою жизнь. Он встал и взял стакан. Густая жидкость что-то напоминала ему, неярко и неполно, пока он не догадался взять точилку для

карандаша и разломать её ударом ножки стула. Из точилки он извлёк лезвие и порезал свою синюшную бумажную кожу на левой руке. Выступила крупная капля, затем несколько, густые и насыщенные, как и жидкость в стакане. К. пришёл в ужас. Мало того, что ему подали чьё-то нутро на завтрак и кровь в качестве напитка, так он ещё и был уверен, как никогда прежде и ни в чём, что он уже ел это и пил. Ел и пил всю свою жизнь. Десятки проходов от двери к окну прошли прежде чем ему не пришло в голову иное объяснение. У него сломалось зрение. Он видит несуществующие вещи. Господин К. лёг не завтракая под одеяло и накрывшись с головой попытался прийти в себя. Отвергая ложные воспоминания, он концентрировался на отчётливых вещах. Он вспоминал что находится за окном, какого цвета обои, что изображено на вилке и тому подобные детали. Проведя под одеялом время почти до полного удушья, К. откинул материю и принялся проверять свои глаза.

Вместо приятной улицы высотных домов с разноцветными квадратами на фасадах, с жёлтыми фонарями за окном К. видел серую стену, уходящую в высоту далеко, также как и в низ, с одинокой лампочкой в проволочной решётке на уровне его окна. Вместо незапоминающихся светлых обоев он теперь видел наклеенные неровно листы журналов разных лет, с иллюстрациями и текстами о победах над врагами. Хуже того, у героев на фото не было лиц. Вместо них были уродливые косматые головы чудищ с выступающими клыками, с

бородами в которые были вплетены кости, с чешуйками, покрывающими лоб и уши. На черпале, как и на вилке не стало привычных спиралек и ничего не означающих геометрических форм. Были лишь добросовестно вдавленные контуры какого-то оружия и черепа с пустыми глазницами и обломанными рогами или зубами. Господин К. брал всё новые вещи, книги, одежду, старые и знакомые предметы и поражался глубине проблемы со зрением. Отчаяние окатило его, когда он вчитался в одну из первых книг, что подарила ему мать. Он нечётко помнил содержание, но там однозначно не было упоминаний об убийстве колдуньи способом варения её заживо в котле и праздника по этому поводу. Виновата колдунья была лишь в том, что лучше прочих разбиралась в лекарственных травах и выглядела моложе своих лет. Отбросив книгу детства, господин К. взял кое-что для последнего теста. Не доверяя отражению в окне, что сейчас из-за серой стены было нечётким и блёклым, он достал из ящика маленькое зеркальце, едва с половину ладони. Зеркало отразило бледное лицо и тело, покрытое сине-зелёными полосками вен, лишённое волос и чешуи, хрупкое и влажное, чьё-то совсем чужое тело. Оно вызвало такое же отторжение у К. как и морды монстров на журналах-обоях. Слабость и непонимание посадили господина К. на постель. Незаметно он снова прилёг, накрылся до подбородка и словно уснул с открытыми глазами. То ли сны, то ли воспоминания проносились перед ним. И всё больше он становился уверен в этом

ощепенении, что эти обои и этот вид из окна не привиделись, а были всегда. Зрение сломалось, но не в сторону ухудшения, а наоборот, в сторону внезапного улучшения, что также болезненно, как и обратное.

Очевидно, это всё же был сон, долгий и заставивший кого-то нервничать. Кто-то, а точнее огромный монстр с саблевидными клыками и жуткой вонью изо рта тряс господина К. держа в волосатой лапе его тарелку с птичьей головой. Монстр говорил будто женским голосом и будто нежным, но всё портило содержание самой речи. Капающая между слов слюна из пасти отвлекала К., но суть монолога была в том, что монстр предлагал убить другое существо чтобы К. поел и выпустить кровь из кого-то ещё, чтобы К. утолил жажду. Господин К. отвернулся от монстра, хоть и опасался, что тот пырнёт его своими клыками в спину. Далее были другие разговоры в коридоре. Кто-то второй и третий спорили о правилах убийства тех, кто неверно управляет повозкой, о новой плоти из детёныша какого-то зверя за углом со скидкой. О том, что сигма-клетки лучше растут если выпивать кровь не за завтраком, а за ужином. И ни в коем случае не пить кровь деревьев на растущей луне. Вскоре пришёл ещё кто-то. Он не спорил, а постучал в дверь комнаты и откинул на свою сторону узкое окошко для тарелок.

Новопришедший говорил рывками, он постоянно цеплялся рылом за дверь отчего голос становился низким и глухим. Тон можно было бы принять за назидательный, если такой

есть у чудовищ. В конце концов он бросил на пол комнаты в сторону К. его тетради и замолчал. Господин К. подобрал ноги и укутавшись одеялом чтобы меньше показывать своё тощее белое тело без шипов и волос себе же самому, поднял с пола свои рукописи. Это были мятые, заляпанные жиром и кровью тетради с разноцветными абзацами текста, с редкими правками на полях и с закладками из высушенных крыльев каких-то красивых несчастных птиц. Наугад почитав текст, господин К. убедился, что это его творчество. «Правда про небо. Оно значительно ближе. Небо начинается сразу от уровня земли. Мы только краешком ног стоим на земле, но говорим, смотрим и встречаемся мы в небе. Мы – небесные жители». Суть написанного в университетских тетрадях ускользала. Пишущий словно ещё не знал, что заболел, что ел на завтрак что-то живое, сидел на убитом растении во время письма и за окном не было никакого неба, только стена и искусственный свет. Всё же пишущим был К. Сделал он это добровольно и с удовольствием. Рыло снова заговорило. Сейчас отчётливее и тише. Господин К. понял, что перед ним Адам, друг и интеллектуал из числа информационных технологов. Он предлагал какую-то сделку, но так как основное внимание было уделено числу печеней, которые причитаются за издание К. и селезёнок, которые причитаются Адаму, бледный слушатель ничего не смог ответить. Рыло вздохнуло, затем отпрыгнуло в комнату ядовитое словосочетание. Гость почесал клыком наличник двери и продолжал уговари-

вать К. совершить что-то. Смысл по-прежнему ускользал. К. отошёл от двери, которая теперь виделась ему уплощённым туловищем огромного замученного растения, и не понимал почему ему нужно что-то сокращать и переписывать, а главное зачем ему столько печеней. В конце концов он сказал Адаму, что дарит ему все тетради и начал по очереди передавать их в коридор. Тетрадей оказалось более десятка. При поиске их по комнате, К. пару раз больно наступил на рассыпанные тут и там таблетки каменистой плотности. А может это его подошвы стали столь нежны. Он попросил забрать и карандаши, и окровавленный платок с руки, лезвие точилки и халат полный волос на внутренней стороне. На какую-то минуту господину К. показалось, что стало светлее и лучше без всех тех вещей. Но это был всего лишь дополнительный луч от лампочки, закреплённой на чём-то пролетевшем за окном. Адам неаккуратно забрал вещи и после долгого спокойного разговора с другими монстрами за дверью, ушёл постукивая копытами. Кто-то грузный ворочался в коридоре. Двое рычали и пыхтели за стеной. Лампочка на серой стене за окном притухла и потом вовсе погасла. Всю свою жизнь господин К. принимал это за закат. Он и сам множил обман, назвавшись зачем-то К. вместо Й. Имело ли это значение теперь? Сейчас, когда он превратился в нечто голое и беспомощное, ему не нужно было иметь особенное имя. Этим именем нечего стало озаглавить. К. зачем-то уставился на свои предплечья. Утратившие кору и боевые наросты по

локтевой стороне, они всё ещё имели звездчатые втянутые рубцы от забора сигма-клеток. Вот этот, первый, был на День приёма в общество, тогда сдавали на здоровье бессмертных Старших. Ближе к локтевой ямке целая серия рубчиков – помощь родителям в выплате за жильё. На запястье, какое тонкое оно стало, прутик, а не рука, на запястье рубец после сдачи на здоровье Победившим. Где-то был ещё неудачный забор, К. тогда болел и клетки не смогли обнаружить. Эти отметки, сейчас совершенно спокойные и незначительные, теперь всё что есть у него от старого образа. Даже кашель покинул его.

Он лежал. За стеной противоположной от того места, что он считал родительской кухней у кого-то громко звучал приёмник. Раньше эта музыка отвлекала и порой раздражала, неужто нельзя слушать тише или не так часто. Но слух господина К. пострадал, испортился, как было однажды с велосипедом. Раз – и нет больше прежнего. Он лежал не от усталости, а от паралича страхом. К. хорошо слышал о чём поёт за стенкой приёмник. Это была весёлая песня, звучавшая раньше и у него дома. Все радовались, когда она возвращалась в эфир. Это было как найти ещё одну конфету, внутри казалось пустой коробки. К. любил её, но никогда будто не слышал текста. Речь в песне шла о том, что прекрасные огни и бомбы, озаряют место, где покоится вражеское войско, так прекрасно смотреть на их останки под реющим знаменем. Смятение войны больше не покинет это место, храбрость

и хаос разрушения останутся с нами. Прекрасная кровь покрывает грязь могил. Побеждая, мы становимся лучше других, превращаем наш дом из болота в цветущий сад, под развевающимся полотнищем в небе звёзд. К. видел это самое полотнище и прекрасные огни бомб на фотографиях в журналах, покрывавших стены комнаты. А звёзды, что помогли повернуть врагов в пепел, всегда были на дне его тарелки. Теперь он всё видел, вспоминал и сравнивал. Через некоторое время, вероятно, спустя ночь и ещё одно утро, господин К. уже был полностью уверен, что то, что он видит и слышит было всегда и заболевание, его якобы недуг, на самом деле не ведущий к смерти коридор. Он не заболел, он выздоровел. Уже очень голодный, но всё ещё не знающий какая пища кроме кусков живых существ возможна в доме, К. попытался вернуться к записям. Половина чистой тетради осталась на столе, незамеченная им в суетном порыве передать всё важное Адаму. Из карандашей, на самом дне коробки, наличествовал только белый цвет. Последний его карандаш. Целый и никому ненужный карандаш белого цвета. Расстроившись, К. снова вернулся в кровать.

В дверь постучали, для привлечения внимания, не для отпирания, а затем открылась дверца для передачи нужника. Но вместо этого кто-то незнакомый, монстр, что ещё не появлялся в квартире начал хрипло говорить. Его коленные шипы теперь выступали прямо в комнату. В начале господин К. плохо понимал говорящего, мешало постоянное сплёт-

ывание им на пол и отрыжка. Однако через минуту, при-
норовившись, стало можно различать целые предложения.
Монстр был участником Комиссии и доводил до сведения
К., что в связи с безуспешностью лечения его решено под-
вергнуть мыслеостановке. Процедура будет проведена при-
мерно через час, когда прибудет персонал с мыслеостанавли-
вающим газом, а прочие монстры, проживающие в кварти-
ре временно её покинут. К. надлежит вдыхать газ осознанно
глубокими вдохами через нос чтобы уменьшить расход ма-
териала на благо общества. Далее было что-то вновь нераз-
борчивое про укоренение или удобрение болота, про ответ-
ственность и про славу. Гул в голове К. от песни за стеной
и речи нарастал и слился в единый глас трубы. Как если бы
пароход сигналил другому кораблю, зазевавшемуся на све-
тофоре. Спрятаться от всего этого под одеялом не было воз-
можности. Жаль, что окно не открывается как следует, по-
думал господин К. Стараясь не вслушиваться в гул голосов,
он сел за стол, открыл последнюю тетрадь и на чистом белом
месте начал писать белым грифелем карандаша: «Нож сло-
мается о буханку хлеба...».